

Видный польский дипломат, свидетель и участник событий 1612 года Станислав Немоевский уже в 1607 году в своих "Записках" сформулировал, каковы должны быть после покорения России геополитические планы тогдашней Польши - наследницы европейских крестовых и колониальных походов: "после победы, при великой славе и работе рабов - мощное государство и расширение границ; мы не только в Европе стали бы могущественнее других народов, но наше имя сделалось бы грозным для Азии... А выше всего - расширение и соединение католической церкви и приобретение такого количества душ для Господа Бога".

Души - для Ватикана и рабы для шляхты - так расшифровывается эта фраза.

Начиная с той поры Польша жила и до сих пор живёт в мире мессианских мифов... Их много. Самый древний о миссионерском призвании Польши, в распространении "огнём и мечом" католицизма на восточнославянских землях, другой миф о великой сверхдержаве Речи Посполитой "от моря до моря", третий о рыцарской самоотверженной защите европейской цивилизации от московских и вообще азиатских варваров, четвёртый о Польше, как объединительнице неких прогрессивных, революционных сил, вечно борющихся "за нашу и вашу свободу"... Проходят века, но одни польские обветшавшие мифы сменяются другими.

Сегодняшний набор польских мифов, родившихся в трагическом XX веке обширен.

Это миф о "цвете польской нации", уничтоженной в Катыни, о Варшавском восстании, о рыцарственной сущности Армии Крайовой, о роковых для Польши событиях августа-сентября 1939 года ...

Вроде бы сплошные поражения... Но польское общественное мнение живёт памятью об этих поражениях, шумно, а порой яростно справляет их юбилеи, возводит их в ранг священных событий своей истории, поражений.

Сегодня эти замешанные на мистике, экзальтации и религиозном мазохизме мифы стали частью официальной политики польского государства, которая на современном этапе определяется стремлением Варшавы воспользоваться сложившейся ситуацией, позволяющей ей наконец-то реализовать свои внешнеполитические амбиции, которые долгое время (начиная с середины XVIII века) подавлялись ее соседями (Россией/СССР, Германией, Австро-Венгрией). Несмотря на сравнительную ограниченность своих экономических возможностей, Польша претендует на роль одного из европейских центров силы, без которого невозможно решение актуальных региональных и международных проблем.

Внешнеполитическая доктрина Варшавы основана на стремлении государства и превалирующей части политической элиты страны вернуть Польшу в число "европейских грандов", поставив ее в один ряд с Францией, Германией и Великобританией. Большой популярностью у польского истеблишмента также пользуются идеи маршала Пилсудского (известного своими крайне русофобскими, антисемитскими и профашистскими взглядами), призывавшего в начале XX века создать новую Речь Посполитую

от Балтийского до Черного моря и оказывать активное сопротивление Германии и Советской России). Лех Качиньский в своих интервью неоднократно заявлял, что его идеал – Юзеф Пилсудский, "идейное наследие" которого актуально и по сей день. Между тем, еще в 1904 году Пилсудский писал, что целью Польши должно быть "расчленение государства Российского на основные его составные части и освобождение силой включенных в состав империи стран. Мы считаем это... гарантией существования (независимой Польши), поскольку Россия, лишенная своей Периферии, будет ослаблена настолько, что перестанет быть грозным и небезопасным соседом". В межвоенной Польше такая политика получила название "прометеизм" и была аксиомой, а ее институциональной основой был т.н. Восточный институт, финансируемый МИД и вторым отделом Генштаба (разведка). Создателем и идейным вдохновителем операции "Прометей", заключавшейся в засылке и создании агентурно-диверсионных групп в советской России для подготовки подполья перед готовящимся тогда военным вторжением в СССР, был Пилсудский. Как констатирует журнал "Впрост", симпатизирующий клану Качиньских, восточная политика Польши последних 20 лет является ничем иным, как продолжением межвоенного "прометеизма".

В целом, Варшава пытается закрепить за собой роль основного проводника европейской политики на восточном направлении и играть роль центра консолидации антироссийских сил в евроатлантическом сообществе, прежде всего, восточноевропейских "новичков" и прибалтийских государств. В настоящее время главным проводником указанной доктрины выступает одна из ведущих партий "Право и справедливость" (ПиС), которую и возглавляют братья Качиньские.

Несмотря на то, что на парламентских выборах в Польше в 2007 году победу одержала оппозиционная ПиС партия "Гражданская платформа", а ее лидер Дональд Туск занял пост премьер-министра страны, общая внешнеполитическая концепция Польши не подверглась кардинальному пересмотру. Основные отличия проявились в подходах и методах проведения внешней политики: ставка стала делаться на прагматизм и меньшую идеологизированность, тогда как внешнеполитический тренд страны остался неизменным: восстановить былое могущество Польши.

Наблюдаемые в последнее время попытки кабинета Туска выйти на конструктивный диалог с Москвой направлены преимущественно на решение за счет России собственных политических и экономических проблем, в том числе в отношениях со странами Евросоюза. Без изменения политических ориентиров польского руководства ожидать формирования между Россией и Польшей партнерских отношений, основанных на доверии и взаимной выгоде, не имеет смысла. Об этом красноречиво свидетельствуют события последних лет.

Так, празднования 91-й годовщины независимости Польши, традиционно используемые властями для высвечивания важности сплочения польского общества на базе патриотических идеалов и "правильного"

восприятия событий новейшей истории, были омрачены маршем польских национал-радикалов и их столкновениями с антифашистами.

Главным действующим лицом стал президент Л. Качинский, значительная часть выступления которого была посвящена достижениям межвоенной Польши, а также основным вехам "борьбы поляков с коммунизмом". В этом контексте он напомнил и об отмечавшейся накануне годовщине падения берлинской стены. Его рассуждения на сей счет весьма показательны для настроений заметной части польской политической элиты: "берлинская стена простояла бы значительно дольше, если бы ранее в Польше "Солидарность" не завоевала себе право на законную деятельность, если бы не состоялись выборы 4 июня и если бы в конце концов 12 сентября в Варшаве не было создано первое во всей Центральной и Восточной Европе некоммунистическое правительство. В момент разрушения стены Польша была уже свободна, и без свободной Польши другие также не были бы свободны". При этом он провозгласил курс на формирование в стране нового типа патриотизма – "обращенного в будущее, но имеющего свои корни в прошлом".

В том, что данный процесс за последние годы и так набрал приличные обороты поляки смогли убедиться уже через несколько часов. В самом центре Варшавы прошло шествие около 500 активистов группировки "национально-радикальный лагерь" (НРЛ). При этом собравшиеся молодчики выкрикивали антисемитские и ксенофобские лозунги и скандировали здравницы "Великой Польше", вскидывая руки в нацистском приветствии.

Больше всего польскую общественность насторожил не сам факт митинга НРЛ, а произошедшие после него столкновения с антифашистами и, особенно, тот факт, что вмешавшаяся полиция задержала исключительно противников радикалов.

Примечательно, что это далеко не первая демонстрация силы польских национал-радикалов. Так, еще в апреле 2007 года НРЛ провел массовый митинг в Кракове по случаю проводимого ежегодно Министерством просвещения Израиля в бывшем концлагере Аушвиц-Биркенау т.н. "марша живых". Накануне, когда в Краков начали массово съезжаться участники предстоящей манифестации, по центру города прошла колонна. С выкриками "sieg heil" и вытягивая руку в нацистском приветствии, около 200 бритоголовых молодчиков скандировали лозунги "это Польша, не Израиль", "евреи - долой из Польши", "экономьте жизни минуты - мы устроим для вас Чили" и прочее. Стоит особо отметить, что марш неонацистов был разрешен властями города, а НРЛ - организация легальная и, по официальной версии Варшавы, к фашизму никакого отношения не имеющая.

Со всем этим совпало опубликование центром им. Ш. Визенталя ежегодного доклада о преследовании нацистских преступников. По мнению автора доклада Э. Зуроффа, в Польше "нет политической воли" для преследования поляков, совершивших в годы войны преступления против евреев, а Институт национальной памяти, который должен этим заниматься, гораздо охотнее разрабатывает "коммунистические преступления".

И, наконец, трудно было не обратить внимание на статью профессора иерусалимского университета М.Циммерманна. По его мнению, значительная часть молодых израильтян, посещающих Польшу, покидают ее с убеждением, что это - "крупнейшее еврейское кладбище на земле", а поляки несут значительную долю ответственности за холокост. Профессор считает, что причиной этого во многом является "недостаточно тщательная подготовка экскурсий". Однако в эту теорию марши неонацистов вписываются едва ли.

Стоит также упомянуть, что в ходе этих торжеств прозвучали предложения о целесообразности внести изменения в формат празднования дня независимости. Об этом, в частности, заявил маршал сейма Б.Коморовский, выступивший против попыток "некоторых" политических сил "монополизировать право на польский патриотизм". Появляются в Польше в последнее время и голоса о том, что национальный праздник в его нынешнем виде устарел, а его привязка к фигуре Юзефа Пилсудского служит созданию культа авторитарного режима санации и исключает трезвый взгляд на историю довоенной Польши. В этой связи некоторые представители левоцентристских партий напоминают, что во времена второй Речи Посполитой датой образования суверенной Польши считалось 7 ноября. Именно в этот день в Люблине было создано первое польское правительство, независимое от германо-австрийских оккупационных властей.

Особого внимания заслуживает тот факт, что на фоне активизации ультранационалистических, неонацистских сил в Польше (чему ярким примером стали названные события в Кракове), польские СМИ время от времени не отказывают себе в удовольствии порассуждать о "нарастании коричневой волны" в России.

Кроме того, в последние месяцы 2009 года в польских СМИ и в экспертном сообществе Польши не стихало обсуждение участия премьер-министра России Владимира Путина в мероприятиях 1 сентября в Гданьске, посвященных 70-летию начала Второй мировой войны. Одни сетуют, что он не согласился с польской версией тогдашних событий и отверг претензии к СССР как к соучастнику развязывания войны. Другие поддерживают возобновление на высшем уровне российско-польского диалога. Особый резонанс получила статья Путина в "Газете выборча", в которой он назвал "аморальным" советско-германский пакт о ненападении 1939 года, но одновременно подверг критике неблагоприятную роль Польши в расчленении Чехословакии годом ранее.

Оппозиция обрушилась с критикой на российского премьера, а заодно и на польские власти. "Зачем его вообще приглашали? Чтобы говорить о вопросе, который не закрыт? О газе?" - вопрошает лидер Пис Ярослав Качиньский. Экс-премьер так расстроился из-за приезда российского политика, что позабыл его нынешнюю должность: "Довели до того, что главным героем событий стал президент России, пан Путин". Ярослав Качиньский возмущается тем, что Путину была "совершенно бесплатно" дана "большая пропагандистская возможность". Досталось и польскому

премьеру Дональду Туску за сказанные им слова о том, что "каждый народ имеет право на собственные оценки".

Президент Лех Качиньский также не скрывал раздражения попытками обвинить Польшу в причастности к развязыванию Второй мировой войны: "Не может быть так, что урок смирения должны пройти побежденные, в то время как победители до сегодняшнего дня наибольшее что видят - это свои ошибки. Ошибки сделали и мы. Но одно дело - греховное решение (участие Польши в разделе Чехословакии), а другое - Катынь, Медное и все преступления, совершенные германским фашизмом с холокостом в первом ряду, а также преступления против миллионов поляков".

На торжественной церемонии президент Качиньский приравнял убийство поляков в Катыни к холокосту: "Евреи погибали, потому что были евреями, а польские офицеры - потому что были поляками". В ответ на это генеральный секретарь Центрального совета евреев в Германии Стефан Крамер отреагировал следующим образом: "Катынь - это не Освенцим, а убийство тысяч офицеров не истребление всего народа. При всем понимании боли польского народа и жутких воспоминаниях о судьбах расстрелянных в Катыни, именно в такой день это сравнение неуместно".

Если братья Качиньские отреагировали на приезд Путина устными заявлениями, то Сейм Польши принял специальную резолюцию, осуждающую "вторжение" Красной Армии 17 сентября 1939 года в Западную Украину и Западную Белоруссию, которые между мировыми войнами входили в состав польского государства: "Семнадцатого сентября 1939 года войска СССР без объявления войны совершили агрессию против Речи Посполитой, нарушая ее суверенитет и попирая нормы международного права. Основание для вторжения Красной Армии дал пакт Молотова – Риббентропа, заключенный 23 августа 1939 года в Москве между СССР и гитлеровской Германией. Таким образом, был произведен четвертый раздел Польши. Польша пала жертвой двух тоталитарных режимов – нацизма и коммунизма".

В тексте резолюции также отмечается, что "вторжение Красной Армии открыло очередной трагический раздел истории Польши и всей Центральной и Восточной Европы... Польскую судьбу разделили многие другие народы Центральной и Восточной Европы. Суверенитет потеряли Литва, Латвия и Эстония, нависла угроза над территориальной целостностью и суверенитетом Финляндии и Румынии. Архипелаг ГУЛАГ поглотил сотни тысяч человеческих жизней всех народов этого региона, в том числе многих граждан СССР. Организация системы, длительность и масштаб явления придали этим преступлениям, в том числе катынскому преступлению, признаки геноцида".

"Сейм Речи Посполитой осуждает всяческие попытки фальсификации истории и обращается ко всем людям доброй воли в Российской Федерации с призывом о совместных, солидарных действиях по обнародованию и осуждению преступлений времен сталинизма", – говорится в резолюции. Заканчивается документ заявлением, что Сейм Польши "стоит на позиции,

что польско-российское примирение требует уважения исторической правды".

Кроме того, Бюро национальной безопасности (БНБ) при президенте Польши уже 16 сентября выпустило обширный доклад "Историческая пропаганда России в 2004-2009 годах" (в полном виде, в том числе на русском и английском языках, опубликован на официальном сайте БНБ) за подписью руководителя ведомства Александра Щигло. Аналитики БНБ выявили две волны "исторической пропаганды". По их мнению, целью первой кампании в 2004-2005 годах была попытка противостоять попыткам пересмотра освободительного характера наступления Красной Армии в 1944-1945 годах, снять с СССР совместную с Германией ответственность за развязывание второй мировой войны, смягчить вину НКВД за убийство польских офицеров в 1940 году и принизить роль операций польских сил в 1939-1945 годах. "Кампания была инспирирована спецслужбами России, а активное участие в ней принимали представители государства во главе с президентом Владимиром Путиным", - говорится в докладе.

Вторая кампания, по мнению БНБ, началась в текущем году. "Ее главным объектом стала Польша. Пропагандистское наступление было частично реакцией на позицию Варшавы по отношению к вторжению России в Грузию в августе 2008 года, а также на прогресс в реализации стратегии диверсификации поставок энергетического сырья в Польшу. Однако принципиальное значение имели мероприятия в Гданьске, посвященные 70-й годовщине начала Второй мировой войны, и стремление России упредить международную дискуссию о союзе СССР и Третьего рейха. В кампании 2009 года, как и пятью годами ранее, активно участвовали представители российского государства", - утверждает в докладе. Аналитики из БНБ в визите Владимира Путина в Гданьск также усмотрели элемент "исторической пропаганды" - попытку создать впечатление открытости в дискуссиях о прошлом с государствами Восточной Европы.

На этом сочинении БНБ, детально расписавшем практически все польские мифы, стоит остановиться подробнее.

* * *

В предисловии глава Бюро национальной безопасности Александр Щигло пишет, что "настоящий доклад будет способствовать развитию дискуссии о будущем взаимоотношений Запада с Российской Федерацией". Опять, как во времена дипломата Станислава Немоевского, Польша берёт на себя ответственность говорить от имени всего Запада ...

При первом чтении документа, сочинённого в недрах БНБ, в глаза бросаются измышления о том, что историк Наталья Нарочницкая якобы была депутатом Думы в 2003-2007 годах "от шовинистической либерально-демократической партии России Владимира Жириновского", о том, что "каждый второй неонацист в мире проживает на территории России", а

депутат госдумы Виктор Илюхин "прославился своими антисемитскими взглядами" и т.д.

Надо ли столь серьёзному правительственному учреждению, как Бюро национальной безопасности опускаться до таких мелких, а главное лживых формулировок?

По поводу слов Путина, сказанных 9-го мая 2005 года об "историческом родстве стран СНГ", шляхтичи иронизируют над этим родством "закреплённым якобы совместной борьбой против нацизма".

Не надо бы им издеваться над этой борьбой, в которой только на польской земле погибло 600 тысяч советских солдат, благодаря чему Польша и польский народ остались существовать в мировой истории. А потому и на "пакт Молотова-Риббентропа" шляхтичам давно бы пора поглядеть трезвым взглядом.

Как вела себя польская властная элита, когда немецкие войска 1 сентября 1939 года перешли польскую границу во время "польского блицкрига"? Немецкий генерал и историк Типпельскирх пишет об этом так: "Когда польское правительство поняло, что приближается конец, оно 6 сентября бежало из Варшавы в Люблин. Оттуда оно выехало 9 сентября в Кременец, а 13 сентября польское правительство перешло границу. Народ и армия, которая в это время ещё вела ожесточённые бои, были брошены на произвол судьбы".

Типпельскирх только забыл сказать, что президент Польши И.Мостицкий в первый же день войны покинул Варшаву, а 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений, и что 7 сентября рванул из столицы в Брест главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы.

Разве что неграмотный или глухонемой обыватель в Польше, да и в России не знает о том, что Сталин заключил с Гитлером в 1939 году секретное соглашение "о разделе" Речи Посполитой. То, что по этому соглашению к Советскому Союзу должны были отойти не польские земли, а западно-белорусские и западно-украинские, оттяпанные в 1920 году поляками у обессиленной гражданской войной России, он ещё кое-что слышал. Но скажи ему, что на этих землях к 1939 году жило 10 миллионов украинцев, 4 миллиона белорусов и лишь 2 миллиона поляков, он удивится. Да и большая часть из этих двух миллионов были так называемые "осадники", то есть польские переселенцы, а проще говоря, колонисты, из солдат и офицеров, отличившихся в войне с советской Россией и получивших в награду украинские и белорусские земли. Им была поставлена историческая задача "ополячить" восточные окраины Великой Польши ("от моря до моря!"), окраины, о которых всегда мечтала шляхта. Осенью 1939 года многие из них очутились в лагерях для интернированных поляков под Смоленском. А в 1940-м или в 1941 году закончили свой путь в Катыни.

В современной польской концепции событий сентября 1939 года замалчивается то, что СССР на деле отказался от первоначальной договорённости с Германией о линии разграничения советских и германских войск в Польше. Как известно, линия такого разграничения в центральной

Польша в соответствии с секретным протоколом проходила в основном по Висле, оставляя за СССР, в частности, правобережную часть Варшавы - Прагу. Если бы подобная договорённость было реализована, то тогда, безусловно, имелись бы основания обвинить СССР в участии вместе с Германией в разделе именно Польши. Но, СССР счёл целесообразным изменить свою прежнюю позицию, предложив новое разграничение, в основном проходящее по "линии Керзона", в соответствии с чем к СССР отходили только районы, населённые преимущественно белорусами и украинцами. Тем самым СССР вернул отторгнутые Польшей в 1919-1921 гг. территории, как бы получив обратно только своё.

Поляки не могут "простить" СССР, а теперь и России, соглашения с Гитлером в 1939 году. Но все 30-е годы Польша Пилсудского "крутила роман" с Германией Гитлера. В нём были объятия и секретные соглашения, и антисоветская и антирусская риторика, и "режимы особого благоприятствования" в торговле. России всё время тычут в глаза визитом Риббентропа в Москву в августе 1939 года. Но тот же Риббентроп чуть ранее вёл переговоры с Варшавой, а до него в Варшаве то и дело гостили министры "третьего рейха" Геринг и Франк, множество немецких генералов и дипломатов, польский министр иностранных дел Ю.Бек ездил на свидание к самому Гитлеру... Да и сам фюрер, после оккупации своими войсками Польши, приказал поставить в Кракове почётный военный караул у гробницы Пилсудского в Вавельском замке – как бы отдавая дань благодарности его профашистской политике и, видимо, вспомнив, что в 1933 году Польша стала первым после Ватикана государством, заключившим с гитлеровским режимом договор о ненападении, чем поспособствовала международному признанию фашистского режима. Так что - чья бы корова мычала! А когда в результате Мюнхенского сговора Германия решила проглотить Чехословакию, то Польша, будучи гитлеровской союзницей, потребовала свою долю чехословацкой "шкурки" - Тешинскую область, где жило 120 тысяч чехов и только лишь 80 тысяч поляков.

Нынешние поляки до хрипоты рвут глотки, осуждая сталинское государство за соглашение с Гитлером в августе 1939 года. Но вспомним, что до этого каждый кусок Европы, проглоченный фашизмом, Польша приветствовала с восторгом: оккупацию Рейнской области, аншлюс Австрии, вторжение Италии в Абиссинию, итало-германскую поддержку фалангистов Франко в Испании. Гитлеровскую Германию исключают из Лиги Наций - Польша тут же услужливо предлагает фашистам представлять их интересы в этой предшественнице ООН.

Поляки очень хотят забыть позорные страницы своей истории, когда Польша изо всех сил старалась вписаться в европейскую фашистскую империю, которую выстраивал с середины 30-х годов Адольф Гитлер. Вообще у шляхтичей странная память: обо всём, что им выгодно, они помнят и твердят с маниакальным упорством. Но обо всём, что им хочется забыть, забывают моментально.

И даже создание в Варшаве Института национальной памяти дела не поправило. Его директор Леон Керес помнит только о пакте Молотова-Риббентропа, о Катыни, о Варшавском восстании и несчастной судьбе военнопленных из Армии Крайовой.

В Польше времён Пилсудского и после его смерти Западной Белоруссии не существовало. Она называлась "крессами восточными", то есть "восточной окраиной". Поляки в те времена не признавали белорусов за нацию. Известный польский идеолог 30-х годов Адольф Невчинский безо всяких оговорок заявлял, что с белорусами нужно разговаривать на языке "висельниц и только висельниц ... Это будет, - писал он, - самое правильное разрешение национального вопроса в Западной Белоруссии".

Вот почему в 20-30-е годы западные белорусы считали поляков оккупантами и боролись, как могли, с польскими полицейскими, жандармами и колонистами, получившими земли "восточных крессов" и создавших для белорусов концлагерь смерти в Картуз-Березе.

Вот почему население "восточных крессов" с радостью приветствовало освободительный для них поход Красной Армии 17 сентября 1939 года. И в сегодняшней Белоруссии очень сильно общественное мнение, требующее, чтобы 17 сентября - день воссоединения расчленённого в 1921 году белорусского народа, стало государственным праздником республики.

Ненависть белорусов к польским осадникам - будущим жертвам Катыни - в сентябре 1939 года была такова, что как только рухнула польская колониально-полицейская система в "западных крессах" - то наступило неотвратимое возмездие.

22 и 23 сентября местное население местечка Скидаля расправилось с бывшими легионерами-осадниками. Были застрелены, растерзаны и забиты в результате этой самосудной расправы 42 человека. Значит, было за что, если даже кроткие белорусы не выдержали.

С этой точки зрения и на Катынь надо посмотреть по-другому. Все польские историки, политики и журналисты много лет подряд талдычат о том, что в Катыни был расстрелян "цвет нации" - писатели, учителя, священники, учёные и т.д. А вот что пишет современный белорусский историк Л. Криштапович в исследовании "Великий подвиг народа" (Минск, 2005 г.): "Польские русофобы и антисоветчики ламентируют: катынская трагедия - ничем не оправданный расстрел цвета польского общества - офицеров. Но это ведь были не просто военнопленные, а оккупанты, ибо объективно Западная Белоруссия была не польской, а оккупированной Польшей землёй. И расстреляны были не польские офицеры, а оккупанты, представлявшие карательные репрессивные органы Польши на оккупированной белорусской земле. Достаточно вспомнить о польском лагере смерти для белорусских патриотов и коммунистов в Картуз-Березе. Как справедливо отмечает польский историк Кшиштоф Теплиц, "сегодня о польских полицейских говорят, что многие из них были злодейски убиты в Катыни, но не говорят, что те, кто туда не попал, помогали гитлеровцам в окончательном решении еврейского вопроса. Что же касается собственно

польских войсковых офицеров, то их в СССР никто и не расстреливал. Общеизвестно, что на территории СССР в годы Второй мировой войны эти офицеры активно участвовали в строительстве польской армии генерала Андерса и народного Войска Польского, которые в составе антигитлеровской коалиции внесли свою лепту в дело освобождения европейских народов от фашизма. Такова правда истории".

В статье Петра Мицнера "Интернированные союзники" (журнал "Новая Польша", № 2, 2005 г.) признаётся, что условия, в которых жили польские офицеры в дягилевском лагере под Рязанью, были вполне человеческими: "Они свободно перемещались по территории лагеря, офицеров не заставляли работать, можно было устраивать концерты, шахматные турниры, действовал даже лагерьный театр "Наша будка" (разумеется, с жестокой цензурой). Среди заключённых было несколько священников, которым разрешили совершать богослужения".

Поляки договорились до того, что Советский Союз "в сговоре с нацистской Германией совершил агрессию против Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Румынии". Да во всех этих государствах перед войной уже были профашистские режимы Антонеску, Хорти, Маннергейма, Ульманиса, Сметоны, Лайдонера. Путин был прав, когда весной 2005 года на провокационный вопрос эстонской журналистки ответил, что "во время Брестского мира мы отдали Прибалтику и западные области Украины и Белоруссии. Это была историческая необходимость. А в 1939-1940 годах вернули, и это тоже была историческая необходимость".

Второй священный миф, возвеличенный в сочинении специалистов из польского БНБ - это, конечно, миф о доблестной и благородной Армии Крайовой: "Цель повстанцев состояла не только в освобождении столицы Польши от армии Третьего Рейха, но так же в нарушении согласованного СССР, США и Великобритании в Тегеране в 1943 году разделение Европы. В силу этого соглашения Центральная и Восточная части Европы должны были с 1945 года находиться в советской зоне влияния. В ходе Варшавского восстания немецкие войска систематически уничтожали гражданское население столицы Польши... Тем временем И.В.Сталин приостановил наступление на Варшаву... и не предоставил помощи отрядам Армии Крайовой".

Авторы из БНБ иронизируют над работами российских историков, которые якобы голословно обвиняют А.К. в терроре, грабежах, убийствах мирного населения и советских военнослужащих ... Чтобы не быть голословным в разговоре об этом мифе сошлюсь на некоторые достоверные источники.

Армия Крайова была достаточно многочисленной и хорошо организованной силой. И по советским, и по польским источникам, её подпольная сеть насчитывала от 250 до 400 тысяч человек. Но как она сражалась с немецко-фашистскими оккупантами, как она защищала свой народ? Она исходила из концепции "двух врагов" - Германии и России, которая сводилась к тому, чтобы, как любило говорить командование АК,

"стоять с оружием у ноги". Это тактика была один к одному похожа на тактику союзников Советского Союза, которую вице-президент США Гарри Трумэн охарактеризовал следующим образом: "Пусть немцы и русские как можно больше убивают друг друга". Но цинизм, естественный и понятный для союзников, на земли которых ни разу не ступила нога гитлеровского солдата, на практике оказывался самоубийственен для "расово неполноценного", согласно учению нацистских бонз, народа, обречённого на уничтожение. Тем не менее, поляки не торопились открывать "второй партизанский фронт", и "Информационный бюллетень" Главного штаба Армии Крайовой 1 октября 1942 года так комментировал развернувшееся Сталинградское сражение: "Ад на Волге. Битва за Сталинград приобретает историческое значение. Очень важно и то, что колоссальная битва "на великой реке" затягивается. В ней взаимно уничтожают себя две самые крупные силы зла".

Когда в начале 1943 года советские войска добивали и брали в плен последние части армии Паулюса, идеологи АК отнюдь не радовались этой победе, но оплакивали судьбу оккупантов: "Страдания солдат, участвующих в боях в морозы и пургу, лишённых поставок продовольствия и оружия, без медицинской помощи, в открытой степи, ужасны. С нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы не подчёркивали исключительную моральную выносливость остатков армии Паулюса ... "

Эти слёзы лились в то же самое время, когда крематории Освенцима и Трешлинка уже работали на полную мощь, когда тысячи поляков в вагонах для скота выселялись из Люблинского воеводства и Замойщины, когда сотни детей, оторванных от матерей и отцов, до смерти замерзали в этих вагонах ...

Польский историк Владислав Побуг-Малиновский писал о том, как в те трагические дни придерживался тактики "стоять с оружием у ноги" один из вождей АК генерал Ровецкий с его штабом: "Он умел решительно сдерживать чрезмерный боевой темперамент ... Когда в конце 1942 года немцы начали на Замойщине жестокую акцию выселения, он сохранял умеренность в организации возмездия. Некоторые из польских деятелей требовали "даже мобилизации АК и похода на помощь Замойщине". Ровецкий, уклоняясь от этих требований, говорил своему окружению: "Если мы послушаем тех, которые сейчас так шумят и обвиняют нас в бездействии, то когда немцы начнут нас бить, те же самые лица первые начнут пищать, чтобы мы прекратили".

Сегодняшние польские "аковцы" кричат о том, что советские войска не пришли на помощь Варшавскому восстанию. Но как Армия Крайова отозвалась на восстание евреев в варшавском гетто 19 апреля 1943 года?

Генерал Бур-Комаровский в своих воспоминаниях "Подпольная армия" пишет, что когда Ровецкий созвал совещание штаба и робко заявил, что в такой степени, в какой это возможно, мы должны прийти евреям на помощь", то от своих штабных офицеров "он услышал такие рассуждения: если Америка и Великобритания не в состоянии предотвратить это преступление немцев", то "как же мы сможем их остановить?".

Блистательные польские кинофильмы ("Канал", "Потом наступит тишина", "Пепел и алмаз") создали иллюзию того, что в Польше было мощное партизанское сопротивление фашизму. Но и это - тоже не выдержавший испытания временем миф, о котором В.В.Кожин пишет так: "По сведениям, собранным Б.Урланисом, В ходе югославского сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского - почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского - 33 тысячи (из 35 миллионов). Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!"

Но ведь всё же воевали поляки и в Европе - в английских частях, и в составе советских войск, и в 1939 году во время немецкого "блицкрига", длившегося 28 дней. Да, воевали. Пропагандистское сочинение польского БНБ с пафосом пишет об этих войнах так: "после поражения в сражениях против Германии и СССР поляки пять раз формировали армию: во Франции в 1939 году, в Великобритании летом 1940 года, в СССР в 1941 году армию генерала Владислава Андерса, которая затем сражалась в Италии, и во второй раз армию в СССР в 1943 году, которая сражалась вместе с Красной Армией. Пятой польской армией было вооружённое подполье на оккупированных территориях. С 1 сентября 1939 года по 8 мая 1945 года во всех польских воинских формированиях (регулярные, партизанские, подпольные) прошло около 2 миллионов поляков. В конечном этапе войны на всех европейских фронтах сражалось 600 тысяч польских солдат во всех родах вооружённых сил. Летом 1944 года польское вооружённое подполье насчитывало более 300 тысяч давших клятву солдат. Это позволяет утверждать, что Польша направила на фронты Второй Мировой войны четвертую по численности союзническую армию". На языке нынешней пропаганды всё звучит складно, хотя и хвастливо. А на деле? Общая цифра погибших за родину с 1939 по 1945 г. польских жолнежей - 123 тысячи человек, то есть 0,3% от всего населения в 35 млн. Прямые военные потери СССР - 9 млн. человек, это 5% населения страны. Немцы потеряли (чисто немецкие потери, без союзников) 5 млн. солдат и офицеров - около 7 % населения. В таких страстных, судьбоносных и беспощадных войнах, какой была Вторая Мировая, тремя десятками процента, такой малой кровью Родину не спасёшь и независимость не отстоишь, никакие гениальные фильмы не помогут ...

Да, Польша кроме павших в борьбе потеряла во время II Мировой войны около 6-и миллионов своих мирных граждан. Но случайным ли было то, что более половины из них были польскими евреями? Случайно ли то, что, как уже сказано выше, когда началось восстание евреев в варшавском гетто 1943 года - ни Лондонское правительство, ни Армия Крайова пальцем не пошевелили, чтобы хоть как-то помочь своим обречённым на смерть согражданам? Случайно ли то, что когда 22 июня 1941 года немцы перешли нашу границу в Западной Белоруссии, то местное польское население не пошло в партизаны и не подумало сопротивляться оккупантам, но тут же

устроило несколько еврейских погромов своим соседям в близлежащих местечках, а 10 июля в городке Едвабне, куда сбежались все уцелевшие евреи в количестве двух тысяч, убило их жесточайшим образом вплоть до сожжения полутора тысяч несчастных беженцев в деревенском овине?

Случайно ли, что по свидетельству Ержи Эйнхорна, председателя нобелевского комитета по медицине, выдающегося шведского врача, освобождённого советскими солдатами из Ченстоховского гетто, польских евреев за небольшое вознаграждение охотно выдавали немцам сами поляки: "за пределами гетто полно профессиональных доносчиков-поляков, специализирующихся на распознавании евреев..., охотой на евреев занимаются и мальчишки. Они бегут за одинокими евреями и кричат "Jude, Jude", чтобы немцы поняли". За каждого обнаруженного вне гетто еврея польский доносчик получал 2 кг. сахара.

Вот что означало "стоять с оружием у ноги"!

В 1994 году, в наше демократическое время, Российская Академия наук, Институт славяноведения и балканистики, Государственный архив Российской Федерации и Научный центр общеславянских исследований издали крошечным, почти самиздатским тиражом (500 экз.!), на плохой, жёлтой бумаге, в мягкой обёрточной обложке собрание документов под названием "НКВД и польское подполье". Прочитываем несколько донесений НКВД, касающихся деятельности АК в тылу советских войск на освобождённых землях в 1944-1945 и даже в 1946 годах.

"16 октября 1944 года.

В Холмском уезде действуют отряды "АК" ... Эти отряды совершили более 10 вооружённых нападений. Убито 15 человек из числа местных работников.

В Замостьянском уезде повстанцами убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной Армии".

"С 1-го по 10 июня 1945 г. на территории Польши бандами "АК" совершено 120 вооружённых налётов на органы общественной безопасности и милиции, мелкие группы советских и польских военнослужащих, а также на гражданское население украинской и белорусской национальности: убито 16 советских военнослужащих, 3 польских, 27 сотрудников органов общественной безопасности и милиции, 25 членов ППР и активистов, 207 - гражданского населения".

Ещё одно донесение за 1945 г.:

"6 июня с.г. банда "АК" подпоручика Цибульского, известного по псевдониму "Сокол", учинила погром над украинским населением деревни Ветховина (13 километров юго-западнее города Холм).

Бандиты убили 202 человека, в том числе грудных детей, подростков, мужчин и женщин всех возрастов.

Мирные жители убивались огнестрельным оружием, мотыгами, лопатами, топорами, ножами, женщинам рубили головы, мужчин пытали раскалёнными железными прутьями.

"30 ноября 1945 г.

Убито 39, ранено 24, пленено 8 сотрудников милиции".

"Военнослужащих Красной Армии убито 6 и ранено 5 человек".

"Убито 18 военнослужащих Красной Армии", "убит 61 человек из местного населения".

Из донесения от 23 апреля 1946 г.:

"Убито и ранено: 25 военнослужащих Красной Армии, 45 военнослужащих Войска Польского, 7 государственных служащих, 64 местных жителя".

Лишь за 4 месяца 1946 года (январь, февраль, март, апрель) "аковцами" было убито из числа военнослужащих советских и польских вместе с местным населением 836 человек.

И это лишь крохотная часть расстрельных списков Армии Крайовой, опубликованной в этом сборнике.

В Минске в 1994 году была издана книга под названием "Армия Краева на Белоруссии" с подзаголовком: "Первая книга в Белоруссии, где сказана полная, непричёсанная правда про Армию Краеву".

Книга насыщена документами и воспоминаниями, донесениями разведчиков, сводками НКВД, приказами советского партизанского командования и командования Армии Крайовой.

"В сентябре 1943 года уланы эскадрона Здзислава Нуркевича расстреляли группу партизан так называемого акайцами жидовского отряда Семена Зорина".

Из рапорта главного коменданта АК генерала Тадеуша Комаровского (будущего руководителя Варшавского восстания). В штаб польского Верховного главнокомандования в Лондоне от 1 марта 1944 года: "19.11.43 подразделение наднеманского батальона вело бой в районе Жалудка с советскими партизанами... Советский отряд был вынужден перейти через переправу на другой берег Немана. Советские потери - убитые, раненые, утонувшие - около 200 человек".

Продолжать можно до бесконечности.

Поляки всячески замалчивают факты сотрудничества "Армии Крайовой" с Вермахтом. Но с документами сборника "НКВД и польское подполье" не поспоришь (если в отношении подлинности документов о расстреле польских офицеров в Катыни существует ряд обоснованных сомнений, то оснований не доверять этим докладным запискам не имеется).

Из докладной записки Л.Берия И.Сталину от 17 июня 1945 г.:

"Кроме этого в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются военнопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких частей, всего 32 731 чел."

Из докладной записки зам. министра внутренних дел И.В.Сталину и В.М.Молотову от 15 апреля 1949 года по рассмотрению дел польских граждан, находящихся в советских лагерях: "Из общего числа переданных польских граждан освобождено из лагерей военнопленных и интернированных 7098 человек. Эти поляки в период Отечественной войны были направлены в лагеря военнопленных и интернированных за службу в

германской армии, а также за участие рядовыми в составе подразделений Армии Крайовой".

Из книги Бернхарда Чиари "История Армии Крайовой во II Мировой войне" Мюнхен, 2003": "Полковник АК Александр Крыжановский заключил с немцами сделку о сотрудничестве в районе Вильно ... АК передали в подчинение немецкому командованию 3-ю польскую партизанскую бригаду".

Да за одни эти, далеко не полные, списки и цифры убитых и раненых советских военнослужащих и белорусских партизан руководившие Армией Крайовой генерал Окулицкий с товарищами по законам военного времени мог быть поставлен к стенке без суда и следствия.

К осени 1944 года немцы стали понимать, что война проиграна. Отсюда началось их некоторое дипломатическое заигрывание с верхушкой АК. Недаром всем аковцам после капитуляции Варшавского восстания был дан статус военнопленных. Более того, во время допроса главнокомандующего АК бригадного генерала Окулицкого 7 мая 1945 года допрашиваемый, в частности сказал: "Докладывая в моём присутствии Бур-Комаровскому о предложенных немцами условиях капитуляции, Богуславский (представитель главного штаба АК) сказал, что фон дем Бах считает необходимым для поляков прекратить вооружённую борьбу с немцами, так как общим врагом Польши и Германии является Советский Союз ... Я сказал ему, что, возможно, фон дем Бах прав, и Бур-Комаровский с моим мнением согласился".

Немцы, находясь в отчаянном положении, стали судорожно разыгрывать польскую карту, надеясь кое-как сколотить при посредничестве поляков блок с Англией для спасения Европы от "русского большевизма" ... И глупая шляхта ещё раз поверила немцам, как это уже было перед сентябрём 1939 года. Но только тогда она, шляхта, надеялась на союз Германии и Польши в борьбе против Советского Союза. А в 1944 году поставила на Англию. Очередная политическая химера вскружила головы шляхтичам.

24 апреля 1945 года Л.Берия ознакомил И.Сталина с документом, Окулицкий подтвердил, что документ составлен и написан им лично. В этом документе, в частности, говорилось: "Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР и одновременно начать мобилизацию своих сил. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этого блока без участия в нём Германии, которая будет контролироваться англичанами"... "Мы будем включены в антисоветский европейский блок, организованный англичанами, а тем временем мы должны полностью использовать их материальную помощь ... "

Подпольное руководство АК вместе с лондонским польским правительством в изгнании изо всех сил пыталось воздействовать на английский кабинет министров. Чуть ли не при каждом аресте террористов-"аковцев" их командование взывало к Лондону. Делегация лондонцам из

Виленского округа АК: "Подразделения АК разоружены и вывезены в Калугу. Срочно требуется скорейшее дипломатическое вмешательство".

Словом, шкодили сами, а чуть что - о помощи просят Англию.

Но Черчилль - прагматичный политик с трезвым имперским мышлением - пришёл в ярость, когда познакомился со стратегическими замыслами высочайшей шляхты. Не потому, что он любил Советский Союз, а потому, что он не любил в политике идиотов.

Вот как отозвался он об авантюрных конвульсиях польского правительства в изгнании и верхушки Армии Крайовой во время московской встречи с Миколайчиком в 1944 г.

"Недавно я беседовал с вашим генералом Андерсом, и мне кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумасшествие. Русских разбить невозможно! ...

В вашем упорстве вы не видите того, чем рискуете... Мы сообщим всему миру, каково ваше безрассудство. Вы стремитесь развязать войну, в которой погибнет 25 млн. человек... Вы не правительство, вы ослеплённые люди, которые хотят уничтожить Европу. Я не буду заниматься вашими делами. Думайте о них сами, если вы хотите оставить на произвол судьбы ваш народ. У вас нет чувства ответственности перед вашей Родиной. Вы безразличны к её мучениям. У вас на уме только низменные собственные интересы... Ваша аргументация является, попросту говоря, преступной попыткой сорвать соглашение между союзниками с помощью "Либерум вето"... Если вы хотите завоевать Россию, то действуйте самостоятельно, вас следует посадить в больницу для умалишённых ... "

В сегодняшней Польше, увы сохранились идейные потомки тех шляхтичей, которые попали в наш плен, будучи в рядах Германского Рейха. Вот, что излагает один из них в официальной польской прессе: "Мы не хотели оказаться в союзе с Третьим Рейхом, а приземлились в союзе с в равной степени преступным СССР. Гитлер тоже никогда не относился к своим союзникам так, как Сталин к странам, завоёванным после Второй Мировой войны. Гитлер уважал их суверенитет и правосубъектность, накладывая лишь определённые ограничения во внешней политике. Наша зависимость от Германии, следовательно, была бы значительно меньшей, чем та зависимость от СССР, в которую мы попали после войны. Мы могли бы найти место на стороне Рейха почти такое же, как Италия, и, наверное, лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск" (из интервью профессора-историка Вечоркевича польской газете "Речь Посполита" от 28.09.2005). Самая глубокая шизофрения этого монолога состоит в том, что нынешние польские "вечоркевичи", проклиная "советский фашизм" одновременно рвут на себе волосы, со слодоострастным мазохизмом расчёсывают свои раны и причитают на весь мир об упущенных возможностях: "Почему вождь фашистской Европы не пригласил наших отцов в поход на Восток и не подарил им за верную службу вождельённые "всходни кресы" - шляхетскую землю

обетованную? Почему нас кинули немцы? Почему нас кинули англичане? Неужели и американцы нас кинут?!"

Кинут, не сомневайтесь.

И конечно же этот "научный" труд, состряпанный сотрудниками БНБ, не мог пройти мимо главного героического мифа Польской истории - мифа об упомянутом Варшавском восстании 1944 года. "Пассивность Красной Армии во время Варшавского восстания", "ожидание извинений за пассивность Красной Армии перед лицом поражения Армии Крайовой", "ответственность СССР за поражение восстания" - таким набором штампов изобилует сей документ ... В нём же и осуждение Путина за то, что не прибыл на 60-ю годовщину Восстания в Польшу и не принёс извинений за сталинское коварство. Авторы из БНБ не знают или знать не хотят, что когда войска Рокоссовского в июле 1944 года подошли к Варшаве, то немцы, предотвращая опасность выхода наших армий на берлинское направление срочно перебросил и из Италии и с Балкан танковые дивизии "Викинг", "Мёртвая голова" и "Герман Геринг" и наголову разбили нашу 2-ую танковую армию, о чём Рокоссовский в те дни откровенно поведал в интервью британскому Корреспонденту А. Верту: "Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100".

А на вопрос корреспондента: "Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?", маршал ответил: "Нет, это была грубая ошибка ... восстание имело бы смысл, только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов ... Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боёв. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвёртую часть Польши; но ведь и Красная Армия может временами уставать".

Честный солдат, поляк и великий полководец, давая это интервью, ещё не знал, что Варшавское восстание было коварной провокацией лондонского правительства в изгнании и верхушки Армии Крайовой.

22 июля 1944 года на первом клочке освобождённой Польши был образован Польский комитет национального освобождения. Испугавшись, что он будет представлять будущую власть Польши, "аковцы" тут же обратились к англичанам с просьбой о поддержке будущего восстания. Англичане не дураки: отказались от плана прямой военной помощи, сославшись в числе других причин на необходимость "согласования этих действий с советским правительством".

Несмотря на это, через 3 дня главнокомандующий АК отдал приказ о начале восстания.

Вот как вспоминал о начале этой трагедии во время 20-й годовщины восстания один из его участников (далее выдержки из сборника: "Варшавское восстание. Статьи. Речи. Воспоминания. Документы"): "АК приняло решение о восстании за 6 дней до его начала. Не было никакого плана вооружённых действий. В момент начала восстания командование АК

располагало в Варшаве примерно 16 тыс. человек, а вооружение, причём исключительно так называемое личное оружие, имелось лишь для 3,5 тысяч. Боеприпасов хватило только на несколько дней борьбы ... "

А недавно в польских архивах был обнаружен документ о переговорах старшего офицера немецкой службы безопасности Пауля Фухса с командующим Армией Крайовой Тадеушем Бур-Коморовским. Немецкий офицер попытался отговорить польского генерала от этой авантюры, которая могла, по его мнению, привести к громадным жертвам среди мирного населения. Но генерал Бур ответил ему с польским гонором:

"Это дело престижа. Поляки при помощи Армии Крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск". Лицемерие и коварство генерала Бур-Коморовского и его штаба в полной мере выразилось в том, что, мечтая о захвате центра Варшавы с помощью Советской армии, они одновременно распространяли среди своего воинства приказ, который гласил:

"Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа... Это коварная ложь. Большевистский враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Немцы удирают. К борьбе с Советами!

Бур. Главный комендант вооружённых сил в стране".

Вся эта авантюра, спровоцированная из Лондона, кончилась тем, что немецкие части под командованием обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Баха ни куда не "удрали", а с чрезвычайной жёсткостью подавили восстание, полностью разрушив Варшаву и уничтожив - о чём предупреждал генерала Бура немецкий офицер Фухс - около двухсот тысяч мирных жителей. В результате 28 сентября 1944 года штаб кичливого Бур Комаровского принял решение о капитуляции на самых предательских условиях, обрекавших на смерть поляков из Армии Людовой, переправившихся с советской стороны через Вислу на помощь восставшим. Из воспоминаний повстанцев: "Условия капитуляции, переданные по лондонскому радио на польском языке, предоставляли права воюющей стороны лишь солдатам и офицерам Армии Крайовой. Это означало на деле, что граф Бур выпрашивал у немцев для своих бывших солдат и офицеров право находиться в концентрационных лагерях, а солдат и офицеров польской Армии Людовой обрекал на верную смерть... Полностью погиб Варшавский штаб Армии Людовой, сотни её лучших деятелей, тысячи отважных солдат и офицеров. Граф Комаровский вместе со своим штабом спас свою жизнь ценою немецкого плена ... " (Из сборника "Варшавское восстание. Статьи. Речи. Воспоминания, документы").

Из воспоминаний повстанцев: "Переправиться через Вислу, по мнению некоторых, означало попасть в руки другого врага ... Они хотели выступить в роли хозяев Варшавы, а теперь сами искали убежища и помощи. Ведь это будет двойным поражением".

За два часа до переправы к советскому берегу через Вислу штаб Бур-Комаровского принял решение о капитуляции. Лучше в плен к немцам, чем

союз с Советской Армией и Армией Людовой: "Кто-то из присутствующих с трудом выдавил из себя: "Ведь это или чудовищное преступление, или непростительная глупость".

"Условия капитуляции, переданные по лондонскому радио на польском языке, предоставляли права воюющей стороны лишь солдатам и офицерам Армии Крайовой. Это означало на деле, что граф Бур выпрашивал у немцев для своих бывших солдат и офицеров право находиться в концентрационных лагерях, а солдат и офицеров Армии Людовой, польской Армии Людовой и Корпуса безопасности обрекал на верную смерть... Полностью погиб Варшавский штаб Армии Людовой, сотни её лучших деятелей, тысячи отважных солдат и офицеров. Граф Комаровский вместе со своим штабом спас свою жизнь ценою немецкого плена ... "

Недаром, как писал в своём донесении в штаб АК полковник Вахновский, который вёл с обергруппенфюрером СС генералом фон дем Бахом переговоры об условиях капитуляции, эсэсовский генерал "особенно подчеркнул своё доброжелательное отношение к полякам и Армии Крайовой" (это после уничтожения двухсот тысяч мирного населения Варшавы).

Конечно, никто никогда не упрекнёт в недостатке мужества рядовых солдат Армии Крайовой, не знавших планов своего начальства и беззаветно умиравших за родину на руинах Варшавы. Но высшее офицерство! Оно даже фронтовое братство предало только лишь потому, что их собратья по оружию были "советскими поляками". Скисшие сливки шляхты, дезертировавшие из Польши осенью 1939 года в далёкую Англию, захотели в 1944 году вернуться к власти в Варшаве по трупам советских солдат. Мало им было нескольких сотен тысяч уже зарытых в польскую землю. Такой вариант был, по их представлениям, возможен лишь при одном условии: если Черчилль предъявит Сталину ультиматум об их возвращении во власть. Но Черчилль знал, что Сталин не отдаст Польшу в руки обанкротившихся лондонцев, и когда последние "достали" его своими требованиями, написал записку в английский МИД, в которой дал отповедь шантажистам: "Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стёрта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать ... Они (поляки), должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто представляет им перспективу истинной свободы и независимости".

Крайне любопытны воспоминания об этой истории посла США в СССР (1943-1946). А. Гарримана: "Я думаю, что Сталин приказал бы форсировать Вислу, невзирая на позицию лондонских поляков, если бы пришёл к выводу, что имеется достаточно сконцентрированных сил, чтобы сломать немецкую оборону. Решающую роль в принятии им решения сыграли военные соображения. Немцы подтянули к Варшаве три

дополнительные дивизии. Красная же Армия за последнее время совершила настолько быстрый рывок, что оказалась оторванной от нормального обеспечения.

В этот момент в её распоряжении не было ни необходимых понтонов, ни средств для наведения мостов. Русские пришли к выводу, что для осуществления десанта через Вислу требуется значительно больше ресурсов, чем те, которыми они располагали. В это время Сталин не решился на фронтальный удар. А с момента восстания поляков против немцев, по его мнению, преждевременного, Сталин всё это посчитал провокацией".

К этому можно ещё добавить и суждение руководителей восстания, опубликованное к его 60-летию в польском издании "Газета Выборча" (5.10.1994): "Не выдерживает критики предположение о том, что советские войска сознательно остановились на предместьях Варшавы и не хотели занять город. 4-5 августа после проигранного танкового сражения в районе Воломина со срочно переброшенными германскими дивизиями они были вынуждены приостановить своё наступление на Варшаву". Вот так-то. Шляхетские политиканы сплели за спиной СССР заговор, а затем до сих пор обвиняют Россию, что этот заговор не удался.

Сколько раз псевдоисторики, как российские, так и польские, упрекали Жукова, что он не жалел солдат, бросал их на взятие Берлина, что к "датам" якобы брали города, что такое жертвоприношение, такое нежелание беречь своих солдат - преступно ... Но в истории с Варшавой всё наоборот - до сих пор кричат: почему не стали брать её с ходу! Брать её с ходу, да ещё не в соответствии со своими военными планами, а с чужими - значит положить десятки тысяч солдат. Но какое дело до крови советских солдат борзописцам и фарисеям-историкам? 600 тысяч им мало ... Оказывается, надо было еще прибавить, спасая авантюристов из АК.

Взять великий город - дело непростое, это не деревушка и не хутор. Бои в городе - одна из самых тяжелейших военных операций. Вспомним, что немцы не смогли овладеть руинами Сталинграда, а российские солдаты в 1994 году - кварталами Грозного. Если следовать шляхетской логике, то Сталин только и ждал момента, когда немцы раздавят повстанцев, чтобы сразу после этого с триумфом взять Варшаву. Однако её взяли не через несколько дней или даже недель после капитуляции Бур-Комаровского, а почти через четыре (!) месяца 18 января 1945 года. Вот сколько времени понадобилось советским войскам чтобы собрать разведданные, подтянуть резервы, выработать стратегию, по которой следует с наименьшими потерями штурмовать громадный город. Не по-шляхетски его брали. А по-советски.

Листаешь польскую прессу и такое впечатление складывается, что вся страна, весь народ польский живут до сих пор страстями и разговорами о Катыни. Религиозный культ Катыни, как некий допинг, объединяет всё польское общество - старых и малых, поляков и евреев, католиков и атеистов. Культ поражения, возведённый в ранг национальной идеи ...

Каждый год в Варшавском королевском замке проходит Катынская конференция, на которой бушуют страсти, возникают законотворческие споры, кипит издательская деятельность, выдвигаются ультиматумы, подсчитываются суммы компенсаций, демонстрируются новые фильмы.

Пресса кипит: "В годовщину катынского преступления Сенат почтил память убитых польских военнопленных", "Сенат призвал российские власти признать катынский расстрел актом геноцида", "Можно было бы созвать и Нюрнберг II", "Поляки в стремлении назвать поимённо каждую жертву преступных репрессий неутомимы" и т.д. и т.п. "Были расстреляны люди, составляющие костяк польского государства: офицеры и чиновники, адвокаты и врачи, учителя и поэты". Это цитаты из журнала "Новая Польша".

Те же самые штампы присутствуют и в брошюре БНБ: "Среди расстрелянных было много офицеров - выдающихся артистов, врачей, ученых ...

Этот рефрен - "цвет польского общества" - стал общим местом в антироссийской пропаганде польских историков, ни разу они не назвали по имени ни одного расстрелянного выдающегося поэта, великого врача, гениального артиста, учёного с мировым именем. Видимо, потому что в Катыни их не было. А были те, у кого настроения были соответствующие, о чём свидетельствуют авторы антироссийского по сути исторического исследования Ч.Мадайчик и Н.Лебедева, цитируя слова офицера, бывшего в советском плену с 1939 года: "Ненависть к Советам, к большевикам была так велика, что эмоционально порождала стремление выбраться куда угодно, хоть бы из-под дождя да под водосточный жёлоб - под немецкую оккупацию".

Вспомним также признания двух историков - польского и еврейского: "Сегодня о польских полицейских говорят, что многие из них были злодейски убиты в Катыни и Медном, но не говорят, что те, кто туда не попал, помогали гитлеровцам в "окончательном решении еврейского вопроса" (газета "Пмошенд", 27.11.2002).

"Иначе обстояло дело в Восточной Европе. Самым постыдным было поведение поляков. Они безропотно выдали немцам 2 млн. 800 тыс. евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживающих в стране" (М. Даймонт).

Пока все сто с лишним томов Катынского дела, хранящихся в архивах российской прокуратуры не будут изучены, нельзя окончательно сделать вывод, кто за что, когда и в каком количестве расстрелял поляков в Катыни. К тому же ряд российских историков и политических деятелей (В.Илюхин, Ю.Квицинский, В.Швед, В.Фалин и т.д.), имеющих непосредственное отношение к реальному расследованию этой трагедии, все больше сходятся во мнении, что большинство польских офицеров в Катыни было расстреляно не в 1940, а все-таки в 1941 году немцами. Затем эти трупы были использованы Геббельсом, мастером подобного рода фальсификаций, в своей пропаганде для того, чтобы продемонстрировать освободительную миссию гитлеровских войск, борющихся против деспотичных Советов.

Но если даже это сделали энкэвэдэшники, то, конечно, они расстреливали тех, у кого была репутация отнюдь не "поэтов и артистов", а колонизаторов и оккупантов. А также репутация шляхтичей, которые были готовы сражаться против Советского Союза в любом качестве. А потому с признанием Катинского расстрела, как "геноцида" у поляков ничего не получится. Поскольку, если поляки и были расстреляны нами, то не как поляки, а как захватчики белорусских и украинских земель или, как убеждённые союзники Гитлеровской Германии. Вот когда польские каратели проводили операцию "Висла" и уничтожали украинцев независимо от их убеждения и взглядов лишь за то, что последние украинцы - налицо факт геноцида. Когда в Едвабне местные поляки сожгли более 2 тысяч евреев лишь за то, что это были евреи - налицо факт геноцида. Когда бандеровцы в 1943 году вырезали на Волыни (видимо, в отместку за операцию "Висла") от 30 до 40 тысяч поляков (гораздо больше, нежели их погибло в Катыни) - налицо факт геноцида.

Если бы советское НКВД проводило политику геноцида (уничтожение по национальному признаку) польских офицеров, то откуда бы возникли во время войны на территории СССР армии генерала Андерса и полковника Берлинга, сплошь укомплектованные десятками тысяч польских офицеров?

Так что, когда сотрудники БНБ обвиняют российские СМИ в том, что в них "появляются попытки отрицать ответственность СССР за массовые расстрелы польских офицеров в 1940 году либо оправдать это преступление злодеяниями якобы совершёнными польскими властями", то они лукавят. Всё это преследует одну цель: доказать, что весной 1940 г. в Катыни под Смоленском погиб "цвет нации". Однако есть и другие точки зрения на этот "цвет нации", на этих интеллигентов, одетых в "старые офицерские мундиры" в 1931 году, в журнале "Новый мир" (№ 5-6) были опубликованы воспоминания комиссара Красной Армии еврея Я.Подольского, побывавшего в 1920-23 годах после нашей неудачной войны с Польшей в шляхетском плену. В то время в мире ещё не было опыта гитлеровских лагерей, и поляки стали законодателями новой моды по отношению к военнопленным в XX веке. Вот отрывки из воспоминаний Я.Подольского: "Распахнулась дверь. С криком и ругательствами вошли несколько унтеров. - Жид? - с остервенелой злобой бросил мне один полячик. - Нет. - А кто есть, пся крев! - Татарин, сказал я, быстро учтя органические особенности, роднящие мусульман с евреями - Жид проклятый, - услышался его жирный баритон по соседству со мной: он дошёл до еврея-красноармейца. Хрястнуло несколько ударов... Помню, как на больших станциях к нашему вагону подходили господа с палками, "дамы из общества". Наиболее "подходящих" пленных вытаскивали из вагона, били и царапали. Особенным успехом пользовались евреи, с тошнотой вспоминаю, как эти звери подступали ко мне: - Жид? ... Ужасное отмщение готовит себе шовинистическая буржуазная Польша".

"Мы явно мешали жить сопровождавшему нас унтеру... Он не кормил нас... по семь-восемь дней мы оставались абсолютно без всякой пищи".

"Ночью по нужде выходить опасались. Часовые как-то подстрелили двух парней, вышедших перед рассветом из барака".

"Несколько человек были застрелены за попытку передать записку отъезжающим".

"При мне засекли двух солдат - парней, пойманных в соседней деревне. Они собирались бежать, да выдал один "дядько".

"Там, где поляк забивал насмерть еврея, он мог под добрую руку избить человека другой национальности до полусмерти".

"На разных поверках и обходах и в тон обычному "рассчитайся - первый-второй" слышится "покойник, покойник, живой, покойник, покойник, живой".

"Не могу назвать точной цифры наших, побывавших в польском плену, но вряд ли ошибусь, сказав, что на каждого вернувшегося в Россию приходится двое, похороненных в Польше" ...

Вот, если верить Подольскому, какова в 20-ые годы была польская интеллигенция и польское офицерство, какова была "элита нации". К тому же слова пленного комиссара подтверждают нотой Чичерина - наркома по иностранным делам РСФСР от 09.09.1921, направленной в польскую дипломатическую миссию в Москве. В ноте Чичерина польское государство обвинялось в преступном истреблении советских военнопленных: "Страшная, громадная вина ... в связи с ужасным обращением с российскими пленными", "в течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч" ...

Особенно зверствовали поляки в Тухольском лагере, о побегах из которого начальник 2-го отдела Генштаба польской армии полковник И.Матушевский писал 1 февраля 1922 г. в военное министерство: "Побеги вызваны условиями, в которых находятся коммунисты и итернированные... особенно прославился лагерь в Тухоли, который называют "лагерем смерти" (в этом лагере умерло около 22000 пленных красноармейцев)" ... И это всего лишь в одном лагере.

Однако в сочинении БНБ утверждается, вопреки всем фактам, что "Реально в польских лагерях скончалось 16-17 тысяч солдат Красной Армии... Причиной их кончины был голод и эпидемии, а не расстрелы".

Польские историки, говоря о "цвете" польского общества, расстрелянного в Катynie и Медном, ни разу не назвали нигде по имени в числе расстрелянных ни одного выдающегося "поэта", известного "врача", "знаменитого артиста", талантливого учёного. Потому что их там не было. Там были так называемые "осадники" - солдаты и офицеры, получившие в награду за победу в 1920 году над Советской Россией земли Восточных Кресов (Западную Украину и Белоруссию) для их колонизации и ополячивания населения при помощи польских судов, прокуратуры, жандармерии, военных гарнизонов, лагерной системы и т. д. В одном белорусском концлагере в Картуз-Берёзе в 30-ые годы польские колонизаторы замучили и уничтожили около 10 тысяч белорусов и евреев, сопротивлявшихся оккупационному режиму Пилсудского.

* * *

На этом фоне привлекают внимание регулярно проводимые в странах ЦВЕ конференции по истории XX века, на которых наиболее активную позицию занимают именно поляки.

Например, в начале 2009 года в Берлине Немецким обществом восточноевропейских исследований, Польским институтом в Берлине и берлинским Центром исторических исследований Академии наук Польши была организована конференция, в которой приняли участие эксперты из Германии, России, Польши и Литвы. Цель мероприятия - осветить роль, которую сыграл Пакт о ненападении между Германией и СССР 1939 года в "провоцировании" Второй мировой войны.

По словам посла Польши в Берлине, в польском национальном самосознании сохраняется память об освободительной миссии Красной армии и об огромных потерях СССР в борьбе с нацизмом. Вместе с тем, принесенный советскими войсками мир не означал свободу и демократию для Польши. Якобы лишь "революция" 1989 г. открыла перспективу построения новой государственности, которую современная Польша укрепляет в рамках Евросоюза. По мнению поляка, необходимо объективно и всесторонне оценивать факт подписания пакта Молотова-Риббентропа и избегать суждений, характерных, в частности, для шведов: если бы Варшава в предвоенные месяцы проводила нейтральный курс, как это делал Стокгольм, ей удалось бы избежать трагедии.

Доклад директора польского института международных отношений освещал "политику двух диктаторских режимов", направленную на ревизию сложившейся в то время системы международных координат. Сегодня, мол, следует установить, на каком этапе можно было остановить Гитлера, сумевшего добиться от западных держав подписания мюнхенских соглашений 1938 года, и заключить со Сталиным пакт о ненападении. Тайный сговор двух диктаторов о разделе сфер влияния ощущается якобы и сегодня. На примере "страданий прибалтийских государств" поляк утверждал, что место депортированных в Балтии заняли "колонизаторы", которые после крушения коммунизма оказались национальным меньшинством и оттого испытывают разного рода "неудобства". Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии докладчик сравнил с Мюнхеном 1938 года.

Суждения сотрудников Института истории Польской академии наук сводились к вопросам "возрождения" исторической науки в их стране, которая после крушения коммунистического режима в ПНР стала "объективно исследовать" соглашение 1939 года как поворотный момент в развитии страны, открывший путь к "двойной оккупации". По их мнению "сделка" между Гитлером и Сталиным стала возможной вследствие "одинаковой природы" двух диктаторских режимов. Разница лишь в "стилях" оккупации - нацисты никогда не скрывали своих намерений уничтожить польскую государственность и национальные элиты, поработить остальное

население, тогда как СССР, ставя перед собой те же цели, пытался найти для своей политики "легитимную" форму.

Кроме того, немецкое издательство "ТУР ЛЕ МЕРИТ" (в честь учрежденного в 1740 г. Фридрихом Великим прусский, а потом и немецкий орден "за заслуги"), специализирующееся на военно-мемуарной литературе, в том числе прославляющей гитлеровских военачальников, выпустило книгу предателя Виктора Резуна (Суворова) и Д.Хмельницкого "Нападение на Европу". В книге, с восторгом встреченной в праворадикальных националистических кругах Германии, продвигается утверждение нацистов – в 1941 году фашистская Германия якобы упреждающе атаковала Советский Союз, чтобы предотвратить его агрессию против Европы. Неонацисты характеризуют книгу как "подлинную сенсацию", указывают на "объективность российских историков, смело пересматривающих антигерманские догмы" и призывают к дискуссии в ФРГ, которая позволила бы "подвергнуть ревизии навязанные немцам представления о второй мировой войне".

Специализирующийся на вопросах военной истории журнал "ДОЙЧЕ МИЛИТЭРЦАЙТШРИФТ", активно работающий над избавлением немцев от "пресловутого чувства вины" за Вторую мировую войну, в номере, вышедшем 22 июня с.г., посвятил этой книге обширный материал, включая интервью Хмельницкого.

Помимо него и Резуна, издание упоминает о проживающем в Баку профессоре-историке Джамиле Газанли, доценте Екатеринбургского университета Александре Пронине, бывшей руководительнице факультета новосибирского института истории Ирине Павловой, отставном полковнике милиции, проживающем в Израиле, Мише Шаули, литературоведе, профессоре Марии Литовской, самарском историке Марке Солонине, руководителе факультета института всеобщей истории РАН Джангире Наджафове, российском историке Михаиле Мельтюшове.

Составитель сборника Хмельницкий, по информации "ДОЙЧЕ МИЛИТЭРЦАЙТШРИФТ" № 70 в интервью этому журналу, подпевая немецким неонаци, рассуждает о том, что в России, в отличие от Германии, вся эта тема оживленно обсуждается, "ряд российских ученых поддерживает В.Суворова, статьи некоторых из них я включил в свою книгу".

Хмельницкий, подстраховавшись фразой о том, что "вовсе не собирается оправдывать Гитлера", в своем интервью заявляет, что "очень озабочен" тем, что в ФРГ запрещают размышлять, "табуизируют тему превентивной войны", "о ней даже нельзя упоминать в публичных выступлениях", "ее сторонников лживо обвиняют в принадлежности к праворадикальным кругам".

Расчет на то, чтобы начать в ФРГ ревизионистскую дискуссию как бы с подачи "российских ученых" - сначала в крайне правых кругах, постепенно перетягивая ее на уровень "солидной публики".

В целом, немцы из "чувства исторической ответственности" охотно предоставляют полякам и другим младевропейцам площадки для таких экскурсов в историю.

1 июля 2009 года в Люблине состоялись официальные мероприятия по случаю 440-летия заключения польско-литовской (люблинской) унии 1569 года. В торжествах приняли участие президенты Польши, Литвы и Украины, бывший председатель Верховного совета Белоруссии Шушкевич, а также делегации Латвии и Эстонии (президенты двух последних государств, участие которых было первоначально заявлено, не прибыли на мероприятие, сославшись на экономические трудности своих стран). Т.е. собрались представители всех тех краев, которые некогда входили в Речь Посполитую.

Кульминацией основной части программы, прошедшей под девизом "от люблинской унии к Европейскому союзу", стала церемония торжественного вручения дипломов почетного доктора католического люблинского университета (КЛУ) президентам Польши, Литвы, Украины, а также Шушкевичу.

В приветственных речах организаторов церемонии подчеркивалось, что "Речь Посполитая являлась нашим общим наследием, примером единства в разнообразии, оставившим после себя положительные воспоминания". Однако последующие высказывания и оценки, в частности лидеров Польши, Литвы и Украины не дали усомниться в отношении того, какое именно наследие польско-литовской унии является наиболее востребованным при текущей политической конъюнктуре. Так, по словам Качиньского, "нас объединяли общие враги", а польско-литовское единство было единственным способом отразить экспансию со стороны "восточного соседа, постоянно грозившего войной". Упоминания о неких "внешних угрозах", враждебных "историческому пространству люблинской унии", сквозили также в выступлениях Адамкуса и Ющенко.

В качестве положительного примера "преемственности польско-литовского стратегического партнерства" Качиньский привел совместную акцию президентов Польши и Литвы в период кризиса на Кавказе в августе 2008 года. Вообще, многое из того, что говорил глава польского государства напоминало нечто, похожее на политическое кредо. Подобно тому, как в шестнадцатом веке литовская шляхта (к которой в то время фактически относилась также Белоруссия и украинская знать) заключила унию с польской короной, желая иметь государственное устройство, схожее с польским, так и сегодняшние Украина и Белоруссия, восклицал он, неминуемо встанут на путь интеграции с ЕС и НАТО. "Хотя история не повторяется и наше общее государство не восстанет из прошлого, мы можем демонстрировать солидарность по актуальным вопросам, с тем чтобы в объединенной Европе с нами считались", - подытожил польский президент.

Торжества в Люблине стали также очередным поводом для рассуждений на тему о том, что "Польша с исторической и стратегической точек зрения должна предпринимать усилия, направленные на то, чтобы ввести государства, расположенные на пространстве бывшей Речи

Посполитой, в объединенную Европу, преодолевая трудности, вызванные зависимостью всего региона на восток от России и недоразвитостью тамошней демократии".

20-22 ноября 2009 года в Варшаве состоялась польско-германская научная конференция "Насилие и повседневность в оккупированной Польше", на которой поляки, как всегда, доказывали равную ответственность "двух тоталитаризмов" за развязывание Второй мировой войны, а также "блеснули" сравнительным анализом германской и "советской" оккупации Польши. Немцы активно подыгрывали.

В качестве организаторов мероприятия, посвященного семидесятилетию начала Второй мировой войны, выступили немецкий исторический институт в Варшаве и руководство будущего музея Второй мировой войны в Гданьске. Докладчики представляли вузы и различные исследовательские центры Польши, ФРГ, США, Великобритании и Израиля (впрочем, выступали с докладами и сообщениями преимущественно польские историки).

Обратила на себя внимание заявленная цель конференции, сформулированная несколько нетипично, а, проще говоря, в духе польской мифологии на военную тему: опровержение распространенного среди европейцев взгляда на историю, будто Вторая мировая война началась с момента нападения гитлеровской германии на СССР. С этим изобретенным и усердно пропагандируемым поляками тезисом сами же они не менее усердно и полемизировали. При этом доказывались общеизвестные факты, с которыми в общем-то никто не спорит. Говорилось, в частности, что уже сентябрьская кампания 1939 года в Польше была прологом войны на уничтожение, в ходе которой применялись массовые акции устрашения и террор против мирного польского и еврейского населения, а к совершению военных преступлений были причастны не только подразделения СС, но и "обычные" армейские подразделения Вермахта, действовавшие столь же бесчеловечно.

Бросилось в глаза достаточно четкое распределение обязанностей по тематике выступления немецких и польских докладчиков. Немцы сосредоточились на проблемах, связанных с организационными аспектами функционирования германского репрессивного аппарата на территории так называемого генерал-губернаторства и областей, аннексированных третьим рейхом после разгрома Польши.

В свою очередь, поляки концентрировались исключительно на известных темах-лозунгах: "четвертый раздел Польши", "нападение Красной армии в сентябре 1939 года", механизмы "советской оккупации" 1939-1941 годов, антисоветское "движение сопротивления на бывших восточных окраинах Польши" и так далее. Не было, разумеется, недостатка в свидетельствах взаимодействия "двух агрессоров". Так, варшавский исследователь Я.Баньбор привел в качестве доказательства кооперации Вермахта и Красной армии совместный рейд против грубешовской группировки польских войск 23-13 сентября 1939 года (кстати говоря, не

находящий подтверждения в советских архивных документах). Отдельные докладчики в изобличении действий и замыслов Сталина пошли еще дальше, обосновывая наличие у него планов "советизировать" Польшу. Историк из Кракова А.Запалец заявила о якобы существующих документах, подтверждающих намерения советского руководства создать в сентябре 1939 года на части территории, занятой Красной армией, компактную Польскую ССР как "шестнадцатую республику".

Очень подробно разбиралась ситуация с преобразованиями в "захваченных" западных областях Украины и Белоруссии. Лейтмотивом был тезис о том, что все они производились практически исключительно за счет привлечения "кадров с востока", полностью занявших ведущие административные посты. Само же украинское и белорусское население играло, дескать, фактически декоративную роль статиста. Много говорилось о репрессиях органов НКВД в этих районах. Причем был сделан вывод о том, что, в отличие от первых месяцев "советизации" 1939-1941 годах, в период после освобождения польской территории от немецких войск в 1944 году политика бывшего СССР претерпела значительные изменения в сторону ужесточения.

Попутно "борцы за историю" рапортовали о новом успехе - открытии в новом виде экспозиции в историческом музее г.Белосток, которая ранее, "по недосмотру местных властей", повествовала об освобождении города советскими войсками. Теперь же, согласно сообщениям польских СМИ, акцент сделан на подпольной деятельности бойцов Армии Крайовой в условиях оккупации.

Повышенное внимание к "советской агрессии" 1939 года становится важным элементом двух масштабных музейных проектов, реализуемых нынешними польскими властями.

В начале декабря 2009 года было объявлено о завершении конкурса по созданию в центре Варшавы музея истории Польши, на что выделяется 300 млн. злотых (около 100 млн. долларов США), начало строительных работ запланировано на 2011 год. Конкурс выиграла архитектурная компания "Пачковски энд фритш архитектс", предложившая возвести колоссальное здание, хорошо видимое при въезде в Варшаву с востока. Данное известие вызвало не только волну критики со стороны варшавян, обеспокоенных за облик столицы, но и массу комментариев политиков, в основном сводящихся к тому, что теперь-то новая Польша сможет, наконец, показать миру всю правду о своей истории. По мнению, озвученному окружением президента Л.Качиньского, особый акцент в концепции музея должен быть сделан на "советско-германской агрессии 1939 года", и на периоде Второй мировой войны в целом, правда о котором, как сетуют чиновники, пока доступна подрастающему поколению и гостям Варшавы лишь частично, во многом благодаря экспозиции в музее Варшавского восстания.

Продолжается также подготовка к началу практических работ по созданию музея истории Второй мировой войны в Гданьске, о появлении которого в 2014 году было объявлено в ходе торжественных мероприятий на

Вестерплатте 1 сентября 2009 года. В настоящий момент идет отработка его концепции и поиск необходимых средств. Поляки позиционируют его в качестве "проекта в масштабе Евросоюза" и, судя по информации СМИ, намерены покрыть 80 процентов стоимости музея за счет средств ЕС.

Все это свидетельствует о том, что определенная и немалая категория польских, а также и немецких историографов все теснее смыкается на почве изысканий, представляющих в искаженном свете предвоенные события и их последствия. Не приходится сомневаться, что основные содержательные акценты такого взаимопонимания и стимулируемого им сотрудничества будут проявляться в концепции создаваемого в Гданьске музея Второй мировой войны по мере ее разработки.

В этой связи весьма любопытно смотрится опубликованный Институтом национальной памяти (ИНП) Польши в Интернете "список репрессированных" в 40-50-е гг. в народной Польше, т.е. тех, кто сейчас, в республике Качиньских, считается героем. Почетное место занимают в нем члены таких организаций, как "Свобода и независимость", "Народные вооруженные силы", "Народное военное объединение" и др., боевики которых "прославились" в основном обыденной уголовщиной. Нашлось в этом списке место и коллаборационистам: например, некому Юзефу Е., который с 1939 г. служил в гитлеровской армии, а с 1945 г. – в "Вервольфе". Или Чеславу Е., который в годы оккупации был агентом гестапо и СД. Не менее интересно, что в списке ИНП фигурируют и некоторые участники бандформирований УПА. И уж совсем не смешно, что кое-кто (пока на местах) выступает в Польше за восстановление, причем на ЕСовские средства, пантеона П. фон Гинденбурга, который до 1945 г. был одним из главных военных "святынь" третьего рейха. Мотивировка - создание музея битвы 1914 г., в которой части кайзеровской германии победили войска царской России. Еще штрих - канонизируются 16 монахинь "сестер св. Екатерины", якобы "изверски замученных солдатами советской армии".

В угаре борьбы с "наследием тоталитаризма" попутно обнаружилось и другие любопытные вещи. Например, то, что почетными гражданами городов Щецин, Колобжег, Легница, Ольштын и многих других до сих пор являются нацистские бонзы. Например, А.Гитлер фигурирует в списке почетных граждан Гданьска, размещенном на официальной Интернет-странице города - в разделе "звания, присвоенные в иные исторические периоды. Нацистский период 1933-1945 гг.". Там же - рейхсмаршал Г.Геринг и гауляйтер Гданьска А.Форстер.

Таким образом, следует констатировать, что внешнеполитические взгляды нынешней властной элиты Польши можно охарактеризовать как националистические и русофобские. При этом за последнее десятилетие новой политической элите удалось, используя активную пропаганду и манипулирование историческими фактами, сформировать в польском обществе консенсус относительно данной политики.

Однако, поляки не были бы поляками, если бы в указанной деятельности довольствовались бы только своей территорией – как это было столетия назад, они стремятся нести свою мессианскую работу в восточном направлении. Одним из наиболее ярких результатов тому стали события в Украине в 2004-2005 годах, в результате которых к власти пришли силы, свою политическую деятельность начавшие с переписывания истории и героизации фашистских поделльников, подобных Шухевичу и Бандере.

Аналогичная работа ведется поляками и в России, при этом проводником своих интересов они не постеснялись выбрать, в частности, такую известную организацию, как "Народно-трудовой союз российских солидаристов" (НТС), которая в годы II мировой войны активно сотрудничала с Абвером и СД.

Анализ распространяемых принадлежащим НТС издательством "Посев" публикаций однозначно свидетельствует, что деятельность указанной организации направлена на отстаивание присущих польскому истеблишменту идей и имеет ярко выраженный тенденциозный характер. В них, в частности, энтэсовскими борзописцами, помимо отстаивания изложенных выше польских мифов, утверждается, что "советский режим более кровавый, более губительный, нежели нацистский", "СССР начал и закончил II мировую войну как агрессор и оккупант", при этом роль таких приспешников нацистской Германии, как "Русская освободительная армия" Власова, показывается как "освободительная" и "патриотичная" по отношению к России. Одновременно функционеры НТС в ряде статей и выступлений пытаются доказывать, что современное российское государство является "тоталитарным" и проводит дискриминационную политику в отношении своих граждан и агрессивный "имперский" внешнеполитический курс по отношению к другим странам.

Наибольшую активность в отстаивании польских интересов проявляет член редколлегии "Посева" Григорий Маркович Амнуэль, позиционирующий себя в качестве диссидента в силу своего происхождения (называет себя сыном испанца и немки, крайне обижается на предположения о его еврейских корнях).

Так, при непосредственной поддержке внешнеполитического ведомства Польши и участии различных польских неправительственных организаций, отличившихся еще в событиях 2004-2005 годов на Украине, Амнуэль организовал проект "Международная школа социального менеджмента и гражданских инициатив". Суть этого проекта заключается в том, что для отобранных в различных регионах политически активных молодых людей на территории Польши проводятся семинары, в ходе которых осуществляется работа, направленная на формирование у аудитории негативного отношения к российской действительности, демонстрацию "ущербности" России как государства, преступности ее властей и необходимости покаяния русских перед поляками в соответствии с перечисленными польскими мифами. Об успешности данной работы свидетельствует тот факт, что господин Амнуэль стал обладателем "карты

поляка", выданной ему в награду послом Польши в России Ежи Баром, "сотрудничающим", по признанию самого польского дипломата, с НТС с начала 80-х годов.

Все это свидетельствует о том, что определенная и немалая категория польских и немецких историографов все теснее смыкается на почве изысканий, представляющих в искаженном свете предвоенные события и их последствия.

Как представляется, такой курс Варшавы имеет шансы стать долгосрочным. Более того, по мере укрепления польских позиций на международной арене работа по созданию на постсоветском пространстве условий для приведения к власти политических сил, пусть даже профашистских (как, например, в прибалтийских странах, или до недавнего времени – на Украине), но угодных шляхте, будет приобретать все более агрессивный характер.